

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛИХИХ 90-Х ГОДАХ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Владимир Хадеев

Ссылка на публикацию

Письмо президенту Ельцину Здравствуйте, дорогой наш батюшка господин Президент. Пишет вам раб Божий Никодим из деревни Великая Глухомань Растащиловского района Тверской губернии. В нашем районе есть ещё и Малая Глухомань. Называется она так не потому, что в ней людей мало, а по причине близости к посёлку Растащилово, а стало быть и к цивилизации. А цивилизация в райцентре очевидная, потому как главная улица там с твёрдым покрытием. Дорогой наш батюшка господин Президент, я конечно же не посмел бы отнимать у вас драгоценного времени и морочить вам голову своим письмом, но уж больно невыносимо стало бытие. Вот и решил потревожить нашего батюшку. Перво-наперво хочу поведать маленько о себе да о нашей жизни деревенской. Работаю я в местном сельскохозяйственном концерне. До сих пор не могу взять в толк, почему наш колхоз так назвали. Деревенские остряки сразу же переиначили и нарекли его концертом. Вот и получается, что все мы трудимся на концертной ниве. Занимаемся, так сказать, шоу бизнесом. Хотя... слово «занимаемся» в нашем случае явно не подходит. Точнее будет, если первые четыре буквы в этом

слове зачеркнуть. Профессия моя самая распространённая в отрасли: выполняю обязанности хвостонизатора пятого разряда. И стаж у меня большой, и специалист я опытный. У нас многие мужики хвостонизаторами работают. Но это ежели по-научному, а в деревне по-простому – хвостовщик. Скажу вам по секрету, что не всех хвостовщиков хвостовщиками кличут. Так называют только тех, к кому народ с уважением относится. Например, ко мне. Я мужчина самостоятельный, серьёзный. И матершинник опять же умеренный – только в случае крайней надобности. Остальные же все от мала до велика – отъявленные шагматисты. Шагу без мата никто не ступит. Шаг шагнул – два загнул. Но два матерных слова на один метр пройденного пути – это самый что ни на есть минимум. Правда, некоторые слова из этого разряда у нас в деревне уже не считаются матерными. Мы их к фольклору относим. Ну так вот, поскольку я человек уважаемый, то и называют меня не как зря, а хвостовщиком. Других же по-разному дразнят: и хвостодёрами, и хвостодуями, а иных и вовсе хвостоё… не при людях будет сказано. Вообще-то работа хвостовщика – дело ответственное. Тут глаз да глаз нужен. Чуть зазевался, беды не миновать. В чём суть нашей профессии? Объясняю. Вот ежели, к примеру, корову по какой-либо нужде – то ли по председателевой, то ли по её собственной, коровьей, что бывает реже, – приходится выводить со стойла, то задача хвостовщика заключается в том, чтобы идти следом и тащить хвост. Потому как сил у коровы хватает только на то, чтобы кое-как переминать челюстями солому да с трудом переставлять ноги. Тащить свой собственный хвост она уже не в состоянии. И стоит только хвостовщику нечаянно уронить этот самый предмет, корова сразу падает и тут же околевает. А ежели вдруг повезёт и бурёнка останется живая, то у неё резко сокращаются надои. При благополучном содержании в конце месяца по стакану с морды нацеживают. Маловато, а всё же заработок. А когда корова упала, то к ней полгода со стаканом не подходи. В старину было лучше, животных так часто не тревожили. Они прямо в стойле свою нужду справляли, а скотники лопатами чистили. Но теперь в колхозе и лопат не осталось. У председателя, правда, есть дома, так он не даёт. Сколько раз всей деревней просили: ну дай, блин, лопату, что же скотину-то зазря мучить, каждый месяц по нужде со стойла выводить, пущай прямо в стойле опорожняется! Не-е-е, ни в какую. По штатному расписанию, говорит, не положено, и баста. Как хошь, так и выкручивайся. Кабы ещё солома своя была, а то ведь привозная. Жёсткая она чересчур. Больно много коровьих сил уходит на её пережёвывание. Нам эту солому из соседней корпорации поставляют. Говорят, что там слишком большой урожай на неё: по несколько тюков с гектара сымают! Во как. А у нас только один тюк и уродился на всю деревню. Да и тот во дворе у председателя. Оно и понятно. Ведь с колхозного двора растащут. Кому соломинку, кому две, а кому и того больше подавай. А так всё в целости и сохранности. Да и председателю опять же сподручнее. Сельские старожилы сказывали, что были времена, когда скотине в

солому пыли какой-то подмешивали. И будто бы от неё коровы могли не только хвосты свои самостоятельно таскать, но ещё и мух ими отгоняли. Надо же. Чудеса. Вот только никто не помнит, из чего эту самую пыль делали. Название тоже запамятовали. А мой покойный дед – пусть земля ему будет пухом – и вовсе шутником прослыл. Любил, старый, заливать. Бывало, сидит на завалинке и на полном серьёзе судачит: ежели, дескать, коровам вдоволь давать пыли, то их можно было бы каждый день доить. Взбредёт же такое в голову. Это сколько же доярок пришлось бы тогда держать? Нет, с такими коровами разорение для колхоза неминуемо. Иное дело сейчас – одна доярка на весь район. Объехала все колхозы в конце месяца, общедила, отрапортовала начальству и сидит себе дома, лапти ребятишкам плетёт. Самый уважаемый человек в районе. Глава районной администрации постоянно выделяет ей свою личную подводу. Работа почётная и не шибко трудная. Другое дело мы, хвостовщики стало быть. Тут и тяжести таскать приходится, и подход к каждой корове искать надобно. Гораздо легче с бесхвостыми бурёнками работать, хотя тоже хлопот немало. Зимы у нас суровые и не все хвосты мороз выдерживают. Некоторые отваливаются. Но председатель строго-настрого запретил хвосты эти куда-либо девать. Он их у себя под замком держит. А в случае надобности хвостовщикам под расписку выдаёт, чтобы они полученные средства производства на свои прежние места привязывали. То бишь, к обесхвостившимся коровьим задницам. Оно вроде бы коровам и ни к чему, но для колхоза такая маскировка большой резон имеет. Всё началось с того, что очередная комиссия из района нашу бесхвостую живность за лосей приняла. Слава Богу, что коров с хвостами за крокодилов не посчитали, а то бы – тюрьма. Ихний главный как разорался: «Что вы себе позволяете! Лесники с ног сбились, по всему лесу лосей ищут, а они у вас...» Далее следовало многоэтажное словосочетание из отборного фольклора. Председатель от страха даже рассудка лишился и стал плести что попало. Вместо того, чтобы доказывать, что это коровы, он принялся объяснять, будто «лоси» эти у нас не насовсем, а как бы в командировке по обмену опытом. Но поскольку командировочных удостоверений не оказалось, то положение усугубилось ещё больше. Тут же составили протокол, «лосей» было велено немедленно отправить в лес, а на колхоз штраф наложили за браконьерство. С тех пор и привязываем. Дорогой наш батюшка господин Президент, с великой скорбью смотрю я на наших кормилиц. С каждым годом их всё меньше и меньше. Пора уже заносить в Красную книгу. А вместе с ними и нас, сельских жителей. Но может быть, найдётся среди учёного люду добрый человек и предложит начальству для сохранения популяции разместить деревенскую голытьбу в российских зоопарках. Можно и в передвижных. Вот тогда и заживём. Хоть отлежимся да поедим вдоволь. Говорят, что там и мясное дают. Быть может, зоопаркам от нас польза будет? Их ведь тоже тогда придётся в книгу заносить. Но только не в Красную. Слыхал я, что в какой-то заморской стране есть книга, в

которую всякие рекорды записывают. И будто бы многие хотят в энтую самую книгу попасть, но записывают не всех. Вот тут мы и сгодимся для наших зоопарков. А то так тяжко свою ненужность осознавать. Тебя как бы и не надо никому, а ты вот он, тут как тут. И порой такая тоска одолевает, что хоть в петлю лезь. Оно бы, может, и наложил на себя руки, но ведь мы народ православный. Перед Богом нам боязно. Не велел Он этого делать. Так что ежели и среди учёных не найдётся доброго человека, то уж как-нибудь домучимся, дотерпим. Кому-кому, а нам не привыкать. Дорогой наш батюшка господин Президент, ещё хочу поведать вам про наш деревенский досуг. Но тут я много разглагольствовать не буду, потому как никакого досуга у нас нет. Единственная наша отрада – это «Поле чудес» с Лёней Якубовичем. Его у нас всей деревней смотрят. На нашем колхозном поле таких чудес не бывает. А на Лёнином такую диковину показывают, что и впрямь чудеса. Целую неделю с нетерпением дожидаемся этой передачи. Мы только её и смотрим. Правда, «Спокойной ночи, малыши» тоже захватываем. Потому что по времени совпадают: как раз по пятницам с половины восьмого вечера до девяти нам свет включают. И тогда вся деревня валом прёт во дворец культуры. Там в ленькомнате, где мы обычно лодырничаем, телевизор есть. Один на всё село остался. Показывает не ахти, но физиономию разглядеть можно. Смотреть «Поле чудес» летом – благодать неописуемая, чего нельзя сказать про зимний период. Нет, зимой мы тоже смотрим, тут и разговору быть не может. Однако же высидеть полтора часа на сквозняке – дело, скажу я вам, нешутейное. Но ничего страшного, уже пообвыклись. Вот так и живём: пятница прошла – ждём следующей. И молимся, чтобы у нас последнюю нашу отраду не отобрали. А то ведь приезжали чины из району и грозились телевизор конфисковать в счёт колхозного долга. До слёз будет обидно, ежели заберут. Но мы сговорились стоять насмерть. Будь что будет, а не отдадим. Пришлось даже круглосуточное дежурство устанавливать, чтобы врасплох не застали. Дежурим все по очереди. Теперь в ленивой комнате завсегда человек приставлен и в случае чего всю деревню на ноги подымет. В целом-то народишко у нас неплохой, сплочённый. Только вот нищетою измучен до крайности. Одолела всех, окаянная. Кто как может, так и выкарабкивается. Я, к примеру, в разные инстанции обращался. Помогите, говорю, люди добрые, в какой-нибудь городишко переселиться, потому как своих кровных не хватает. А они мне в ответ: «У тебя, мужик, в голове не хватает. Иди, откуда пришёл, и не отрывай нас от дел государственной важности». Я, конечно, более одного разу никого не донимаю. А то ведь, не ровён час, и по физиономии схлопотать можно. В последнее время я со своей бабой только и думаем о переселении. Бывало, сядем с ней у разбитого корыта и мечтаем: эх, как хорошо было б напоследок в Московии пожить, посмотреть на интеллигенцию, среди столичного люду потусоваться, вашу президенцию издали посозерцать, вождя мирового пролетариату посетить.

Вот такая несбыточная мечта нас одолевает. Вы уж, дорогой наш батюшка господин Президент, нам помогите. Оно, конечно, понятно, что всем вы помочь не в состоянии. Но ежели вдруг пожелаете помочь лично мне, то передайте через Володьку Хадеева сколько-нибудь деньжонок, а я со своей бабой до конца дней своих будем молиться о вашем здравии. И о здравии всех ваших сродников. На этом разрешите и откланяться. С уважением, Никодим Державин. P. S. Дорогой наш батюшка господин Президент, я тут маленько поднапридумывал, но вы уж, любезный, не серчайте и не судите меня строго, потому как жизнь, мною изображённая, уже не за горами. Мы уверенно к ней катимся. И ежели вам доведётся читать моё письмо, то вообразите, что послание сие пришло как бы из будущего (из ближайшего). Вот и постарайтесь это самое будущее маленько подправить. Ну а моя просьба о деньгах остаётся в силе. Комментарий Владимира Хадеева В конце девяностых или в начале нулевых это письмо в сокращённом виде было опубликовано в газете «Крестьянская Россия» (не знаю, существует ли это издание в настоящее время). Уверен, что подобного рода писем в адрес администрации Ельцина приходило великое множество. Однако тогдашний президент РФ уже ничего не мог сделать, чтобы спасти государство от разграбления и полного краха. Не было в его окружении настоящих государственников. Таких, которым за державу обидно. Заморские варвары при помощи купленных российских чиновников продолжали нагло и беспощадно разорять нашу страну. И всё же Б.Н. вовремя одумался и смог принять правильное решение: попросил прощения у россиян, передал бразды правления в другие руки и ушёл на пенсию. Пожалуй, в этом и есть его единственная заслуга.